

Г. А. Гаджиев¹

REALPOLITIK, ЭСКОБАРСТВО, КОНСТИТУЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РУССКАЯ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

1. Получившее в последнее время популярность явление *realpolitik* обычно связывают с именем действительно эффективного политика — прусского канцлера Отто фон Бисмарка, который, опираясь на военную силу, объединил Германию «железом и кровью». Нередко в работах политологов этим термином обозначают такой тип политики, которая ориентируется на достижение политических целей, невзирая на нормы нравственности, когда политика осуществляется путем балансирования на грани возможного и недопустимого в правовой и этической сфере.

Realpolitik — это автономизация политического концептуального пространства, превращение его в замкнутый мир. Такой подход к политике может быть условно определен как интерналистский, обозначающий размежевание пространства реальной политики и этического пространства. Политика при таком подходе является чем-то внешним по отношению к этике и праву.

Второй возможный подход к политике — это политика, проводимая при строгой ориентации на конституционные принципы. И такой подход может быть назван экстерналистским, поскольку в пространстве политики при этом должны учитываться правовые и этические императивы.

Согласно *realpolitik* в мире трудно выжить, и выживают лишь те, кто не останавливается ни перед чем: военная и экономическая мощь должны быть достигнуты любой ценой. В этом смысле *realpolitik* — это наука выживания в нашем опасном мире². Россия стоит перед выбором — либо использовать архаичные формы *realpolitik*, когда жить приходится по правилам циничного реализма, который может обеспечить сиюминутный успех, либо обратиться к реализму морально более состоятельному, который не способен принести политические плоды в рамках одного электорального цикла, но приносит плоды в отдаленной исторической перспективе. Филипп Буббайер описывает два вида реализма в политике. Первый — за более авторитарную форму управления во имя стабильности. Он возрождает евразийские концепции мифа о необычной самобытности России, для которой якобы подходят только авторитарные традиции. При избрании этого варианта реализма в политике делается выбор в пользу иерархичной, вертикально ориентированной модели поли-

тики, которая приносила плоды и во времена Петра I, и во времена Иосифа Сталина. Вряд ли стоит напоминать, какова цена издержек этой политики. В России всегда были мыслители, которые в той или иной степени осваивали эту духовно-идеологическую параболу. Один из них — Михаил Бакунин. Верно подметил суть его взглядов Т. Н. Грановский: «Для него нет субъектов, а все объекты»³. Анархизм Бакунина критиковали Маркс и Энгельс, считая, что идеалом его было сектантское объединение «привилегированных представителей революционной идеи», а точнее «тайное общество», построенное «иерархически», с порядками не только авторитарными, но и в полном смысле диктаторскими. Маркс и Энгельс проводят очень красноречивую аналогию с иезуитизмом: «единство мысли и действия означает не что иное, как догматизм и слепое повиновение. *Perinde ac cadaver* — будь подобен трупу, дисциплинарный принцип, сформулированный Игнатием Лойолой, основателем и идеологом иезуитизма. Перед нами настоящий иезуитский орден»⁴.

Иезуитизм — это тип моральной ориентации (точнее — аморальной) в политике, который роднит его с анархизмом Бакунина и современной *realpolitik*. Маркс и Энгельс считали, что Бакунин с его сектантской революционной идеей — это пародийное воспроизведение таких важнейших установок иезуитизма, как инквизиторство, идея папской непогрешимости и *эскобарство* — то есть правило «цель оправдывает средство».

Второй вид реализма в политике практически никогда в России не использовался. Он, однако, опирается на весьма влиятельную философскую (этическую) традицию, которая также может лечь в основу политики. Это воззрения Льва Толстого с его обостренным чувством правды, с его кредо «не могу молчать», перекликающимся в веках с формулой Мартина Лютера «на том стою и не могу иначе». В XX веке эта линия в интеллектуальной традиции российского общества была продолжена Солженицыным и Сахаровым. И, возможно, этот вектор лучше послужит России в долгосрочной перспективе. Ведь политика должна ориентироваться не только на краткосрочные электоральные циклы по формуле «после нас хоть потоп», а на перспективы более отдаленные. Цель при этом должна быть одна — и это очевидно нравственная цель — укрепление доверия между обществом и государством. Это главный критерий оценки политики. В противном случае утрата доверия публичной власти — это ситуация, которая описывается в философии экзистенциализма (как культуры претерпевания и нравственного освоения тупиковых жизненных ситуаций)⁵. В социологии Э. Дюркгейма это состояние общества рассматривается как аномия, когда нравственный релятивизм сменяется цинизмом, бездуховностью, а затем и апатией.

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель—налогоплательщик—государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² Буббайер Ф. Процесс над *Realpolitik* // Россия на рубеже веков: 1991–2011 : сб. М., 2011.

³ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С. 28.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 8.

В таком обществе модернизация невозможна по определению. Возможно, что такая этически ориентированная политика не реалистична, а скорее романтична, поскольку не учитывает политическую культуру русского народа.

Тогда, как показал Ф. Буббайер, есть еще одна модель реализма, о которой писал Семен Франк. Его идеи представляют собой весьма странную и необычную, но в каких-то случаях, возможно, единственно возможную смесь либерально-консервативных начал. В одной из своих последних книг С. Франк писал о необходимости противопоставить господствующему в сталинском Советском Союзе большевистскому утопизму «христианский реализм», под которым он понимал политическую философию, которая соединяла бы в себе разумную постепенность при осуществлении социальных преобразований.

И тогда важнейшим философским вопросом становится проблема темпов, скорости постепенности преобразований, то есть вопрос о том, как быстро консервативные начала в политике должны заменяться, модернизироваться.

2. *Realpolitik* была возможна и приносила плоды в XIX веке, когда в мире еще не сложилось общее конституционно-правовое интеллектуальное пространство.

В основе этого онтологического понятия, с нашей точки зрения, также лежит особый мир базовых конституционно-правовых понятий. Понятия конституционного права широко используются и в других отраслях права. Допустим, понятие «жилище» используется в уголовном процессе, в семейном, жилищном праве. Но только в конституционном праве оно имеет предельно широкий и в силу этого автономный от юридически-синонимичных понятий других отраслей права смысл. К числу самых важных конституционно-правовых понятий относятся «народ», «воля народа», «государственная власть», «разделение власти», «демократия», «республиканизм», «свобода», «справедливость» и т. д.

Основу структуры конституционно-правового концептуального пространства образуют основные конституционно-правовые ценности. Мы убеждены, что предлагаемое нами понятие «конституционно-правовое концептуальное пространство» может послужить основой для развития нового направления в исследованиях — юридической онтологии. Высокая методологическая ценность предлагаемого понятия обусловлена тем, что с его помощью в научный оборот вводится несвойственное юриспруденции *пространственно-временное мышление*, которое может дать новые и неожиданные результаты.

Реальность — это прошлое, настоящее и будущее бытия. Конституционно-правовая реальность также должна рассматриваться как триединство «прошлое–настоящее–будущее». При этом пространство конституционно-правовой реальности не может быть ограничено рамками одного государства. По сути это спецификация идеи Г. Еллинека о том, что правоведение унижает себя, если поместит себя в государственные рамки и будет наукой только национального права.

Конституционные ценности, и прежде всего конституционные принципы и объективная система основных прав и свобод, как основное содержание конституционно-правового концептуального пространства, общего для всего цивилизованного человечества, являются достоянием всех людей. Именно такой смысл заложен в слова преамбулы Конституции Российской Федерации о том, что российский народ сознает себя частью мирового сообщества.

Вместе с тем объективно существующей реальностью является и то, что *представление* о конституционных принципах и основных правах отражает особенности исторического, культурного развития. Именно имея в виду эти особенности исторической судьбы нации, можно утверждать, что Конституция каждого государства кодифицирует не только важнейшие юридические нормы, но и сложившиеся социокультурные традиции и в этом смысле — отношения с прошлым.

Представления о конституционных принципах достаточно эластичны, однако нельзя сравнивать их с флюгером, который меняет свое положение в зависимости от направления ветра. Устойчивость в представлениях о конституционных принципах должна обеспечиваться, в частности, путем выявления объективной природы каждого из них. Конституционное право не обладает такой длительной историей, как право гражданское, содержащее значительное количество правовых принципов, которые отражают объективные закономерности развития имущественных отношений и с которыми должен считаться законодатель любой страны. Однако и конституционное право с помощью норм-принципов демонстрирует объективные закономерности функционирования общества.

Изменение представлений о конституционных принципах — результат конституционной политики, осуществляемой всеми высшими органами государства.

Согласно ч. 3 ст. 80 Конституции РФ основные направления внутренней политики государства, частью которой является конституционная политика, определяет Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Основное пространство конституционной политики принадлежит, бесспорно, Федеральному собранию — законодательному органу Российской Федерации.

Один из самых важных аспектов политики правового государства — это ориентация публичной власти на поиск доверия своих граждан. Это идея конституционного права о том, что в правовом государстве власть должна осуществляться так, чтобы соблюдался конституционный принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям публичной власти.

Заслужить доверие можно, только если отказаться от цинизма и жить по Правде. Жить по Правде — это значит, в том числе, жить в соответствии с конституционными принципами, общими для человечества. Жить по Правде можно только в условиях сильного правового государства. Государство, которое радикально меняет свои представления о содержании конституционных принципов и, что гораздо опаснее, старается приспособить их к текущей политической ситуации,

не может считаться сильным. Сильным является государство, которое стабильно функционирует в соответствии с запретами, велениями, требованиями, составляющими содержание демократических конституционных принципов. Один из них — демократия, другой — республиканизм, предполагающий систематическое «приветствие» властных коридоров с помощью голосования.

Конституционный Суд РФ в 2001 году рассматривал дело о сроках полномочий губернаторов. В 1990-е годы, когда были приняты российская Конституция и законодательные акты субъектов Российской Федерации, во всех основных законах, уставах была прописана демократическая норма, что губернаторы могут исполнять свои обязанности не более двух сроков подряд. Затем, по мере развития политической ситуации, эти нормы стали исчезать из уставов и Конституции, их просто исключали для того, чтобы губернаторы могли осуществлять свои полномочия больше восьми лет.

В Конституционный Суд РФ в 2001 году поступило обращение, и судьи начали анализировать проблему, искать пути выхода. В обращении обжаловалась норма Федерального закона РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» 1999 года. В Конституции РФ ничего не сказано о сроках полномочий губернаторов, но прописана норма о сроке полномочий президента, которая носит персональный характер: она распространяется только на Президента Российской Федерации.

В главе Конституции РФ указаны общие принципы демократизма, республиканизма, и это не пустой звук. Все положения в Конституции — это взаимосвязанные системы, а не отдельные нормы и положения. Каждое положение Основного закона находится в невидимой логико-правовой связи с другими положениями. Соответственно и положение о сроке полномочий Президента Российской Федерации находится в связи с идеей демократизма, республиканизма.

Конституционным Судом было высказано предположение: не содержится ли в недрах статьи, персонально адресованной Президенту РФ, некий общий принцип для всего конституционного права в Российской Федерации, в соответствии с которым власть должна систематически обновляться (это опыт не только нашей страны, но и всего человечества). Когда у власти длительное время находятся одни и те же люди, занимающиеся осуществлением своих полномочий, начинают проявляться такие явления, которые в советское время назывались волюнтаризмом, застоём и пр.

Отвечая на поставленный вопрос, судьи Конституционного Суда сказали: «Это общий принцип российского конституционного права, и он является обязательным для губернаторов». Соответственно было принято решение, что губернатор не может находиться у власти больше двух сроков подряд. Следует учитывать, что в действующем федеральном законе ничего не говорилось о сроках полномочий губернаторов. Позднее были внесены изменения, в связи с чем видоизме-

нился порядок наделения губернаторов полномочиями, но при этом нигде не была прописана норма, сколько раз он может исполнять свои обязанности. Следовательно, в ситуации, когда в федеральных законах не указываются нормы, применяются решения Конституционного Суда, которые опираются на содержащийся в Конституции принцип демократизма.

3. Идею сильного правового государства можно выразить с помощью геометрической фигуры равнобедренного треугольника. У него должны быть три равные грани: одна из них — это власть, другая — деньги, третья — право. Государство будет стабильным, если грани равны. Если же основание треугольника — право — очень узкое, а две другие грани очень высокие, государство утрачивает стабильность и устойчивость. В таком государстве начинает править бал Лицемерие. Появляется очевидное несоответствие между фактической и юридической Конституцией. Такое несоответствие всегда является симптомом болезни — конституционного кризиса. Именно такой кризис был в России в 1993 году. Есть симптомы наступления конституционного кризиса и сейчас. Из такого кризиса обычно выходят через катарсис. Напомню, что этот термин, введенный в обиход Аристотелем¹ в «Поэтике», означает часть учения о трагедии, обозначающую возвышенное удовлетворение и просветление, которое испытывает зритель, пережив вместе с героем трагедии страдание и освободившись от него. Сходным по смыслу понятием является метанойя (из статьи С. Булгакова 1911 г.), то есть самоосуждение, раскаяние, самопроверка.

Несоответствие между фактической и юридической Конституцией как кризисное явление в конституционно-правовом концептуальном пространстве — одно из проявлений аномии, понятия, которым великий социолог Эмиль Дюркгейм обозначил состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов в развитии общества, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились².

В 1993 году российский народ путем рецензии либеральных конституционно-правовых принципов обрел новую Конституцию. И естественно, что отсутствовал необходимый опыт существования гражданского общества и государства в соответствии с этими принципами.

Общество (во всяком случае отдельные регионы) могло избрать губернатора с криминальным прошлым (и даже настоящим). И тогда, не всегда продуманно, порой импульсивно, рефлексивно, публичная власть отказывалась от идеи выборов губернаторов, забывая при этом, что конституционные принципы не могут рассматриваться как изолированные, автономные правовые единицы. Традиция рассматривать конституционные принципы как взаимосвязанную единую систему, а не как дискретные, отдельные правовые единицы — это американская традиция. К сожалению, она

¹ Катарсис (*греч.* katharsis) — очищение.

² Концепция аномии разработана американским социологом Р. Мертном (См.: Мертон Р. Социальные структуры и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3, 4).

пока не укоренилась в российском конституционно-правовом концептуальном пространстве, что и является одной из причин возникновения конституционных кризисов власти.

Все это можно пояснить на следующем примере. Если губернаторы не избираются, а фактически назначаются, то тогда перестают срабатывать и другие конституционные принципы. Так, выбранный народом губернатор в большей степени зависим от свободы прессы, больше будет обращать внимания на критические оценки, в том числе и от оппозиции, нежели назначенный. Следовательно, конституционный принцип свободы выборов находится в корреляции и с конституционным принципом свободы информации, и с конституционным принципом политического многообразия.

Без опыта освоения содержания конституционных принципов, без обучения посредством проб и ошибок тому, как надо жить «по Конституции», невозможно совмещение фактической и юридической Конституции.

Нельзя в практической конституционной политике одновременно декларативно ратовать за либеральные конституционные принципы и проводить в жизнь старые практики управления публичными делами.

Такой подход на деле оборачивается застоєм, отсутствием движения вперед. А с нравственной точки зрения — это лицемерие.

В конституционно-правовом концептуальном пространстве всегда противостоят силы: сила Власти, сила Права и сила Денег. И только там, где сила Права (Правды) способна обуздать силу Силы и силу Денег, начинается процветание.